

Вступительное слово А. Л. Непомящего (Alexandre Nepomiachty)

С большим удовольствием я прочитал книгу коллектива дневного стационара № 1 СПб ГБУЗ ГПНДС7 под руководством Яна Олеговича Федорова.

Они создали на месте своей работы особую команду. Вопросы, которые возникли в их практике, очень живые и свежие. Они открывают новый путь аналитической психотерапии психозов в России.

В некоторой степени это мне напоминает то, что происходило до и после Второй мировой войны во Франции.

Алберт Камю написал «Чуму» (1944), «Посторонний» (1940), «Миф о Сизифе» (1941). Жан Поль Сартр влиял на наше понятие о философии и наши политические взгляды.

Мы были всем этим пропитаны. В 1973 году я занял должность психиатра в психбольнице, которая находилась в двухстах километрах от Парижа, в лесу и далеко от любого города. В те времена там жили 1500 больных и 50 врачей! В наши дни там осталось менее 600 больных и не более 9 врачей, вот к чему нас привела нынешняя экономическая политика.

Мы были молодыми энтузиастами, редко кто из этого поколения после нескольких месяцев проживания в больнице не начинал собственный анализ, если не начал проходить его ранее.

В те годы дул ветер свободы. Это можно сравнить с тем, что произошло в России. Много изменилось во Франции после «бунта» 1968 года: девиз того времени был — «запрещено запрещать». Так же как коллектив диспансера, мы жаждали новых знаний. Мы читали Жизель Панкову, ее книгу «Человек и психоз», интересовались ее техникой терапии психозов. Обсуждали теорию инсулинового шока. Благодаря влиянию нашего главврача, интересовались мышлением Соломона Резника и, наконец, Лаканом; третья книга по материалам его семинара называлась «Психозы». Мы жили в интернате (общежитии при больнице) круглосуточно, что позволяло вести длинные, интересные беседы и споры. Лакан, его концепт «форклузии: имя отца», был одной из наших любимых тем. В психбольнице, в диспансерах создавались группы, даже на впервые открытых отделениях. Многие люди хотели войти в состав групп, на нас влияли теория и техника того, что называли «институциональная психотерапия», отцом которой был психиатр Тоскел.

В 1975 году я удачно выдержал конкурс и получил возможность работать в парижских психбольницах. В те времена во многих больницах была возможность

продолжать попытки новых немедикаментозных методов лечения. В те годы я работал на отделении «ночной стационар». Там было двенадцать пациентов, у каждого была своя комната. Задача проекта была следующей: реабилитация пациентов с шизофренией, их устройство на работу. Чтобы позволить им искать работу, стационар должен был быть закрытым днем... Но не получилось: во Франции начинался кризис, и пациенты не находили работы. В «ночном стационаре» мы ежедневно вели группы. А что случилось потом? Правительство стало давать все меньше и меньше денег психбольницам, которые вошли в систему общего, обязательного страхования. Сократили количество хронических больных, многих из них выписали, но при этом им не предложили терапию. Все это, чтобы сэкономить на бюджете.

Возник другой вопрос. Нас, психиатров (как, впрочем, всех врачей во Франции), психологов, психоаналитиков становится все меньше и меньше. Это является следствием политики государства в последние тридцать лет. Сейчас во Франции кризис, так что работать, как мы работали в те времена, просто невозможно.

В новой системе пациенты не должны оставаться долгое время в стационаре, а в диспансере огромные очереди. Так что мало-помалу практика изменилась, начали больше и больше выписывать таблетки. Среди молодых психиатров мало кто проходил личный анализ, зато они научились фармакологии. Но лекарства не лечат, они только избавляют от симптомов.

Все это очень грустно. Я смотрю на то, что делает команда диспансера, с ностальгией и с некоторой завистью. Желая коллегам продолжать идти по этой узкой тропинке, которая приносит столько радости и позволяет развивать психоанализ и приобретать новые знания.

Не могу удержаться, чтобы не напомнить вам, что первые терапевты были еврейскими монахами, живущими в раскаянии. Они запирались в своих кельях, боясь даже смотреть через окошко. Если мы хотим продолжать изучение наследия Фрейда, мы должны жить в миру и не быть похожими на этих монахов.

Александр Непомящий, член Парижского психоаналитического общества,
члена IPA (Франция)